

НОЯБРЬ

14 ноября

Необъяснимой магической силой обладает мультик на английском со школьным автобусом, где пассажиры — обезьянка, поросенок, котик, мишка и слон. Это слушают все дети с младенческого возраста. Это бесприоритетно. Это по 1500 раз подряд, короткий нервный перерыв на дневной сон — и опять 1500 раз подряд с несмелой детской одобрительной улыбкой.

И конечно, множество последователей в разных, а подзреваю, что во всех странах. И переводы — испанский, итальянский нравятся больше всего... Но почему же русский такой, какой он есть?! Ну почему?! Почему в оригинале папа успокаивает малыша словами «Ай лав ю!..», а в русском переводе — «Ай-лю-лю!..»

Нет, понятно, конечно, почему. Но почему?!

15 ноября

Утро начинается с того, что перед тобой возле стула за обеденным столом оказываются кроссовки. В доме нет собачки. Вернее, есть. И она принесла кроссовки и уже тянет тебя за руку, не замечая даже желанного куска хлеба на этом столе, потому что пора идти в машину. Ты берешь своего щеночка за руку и идешь, конечно.

В машине Андреич первым делом включает зажигание. Он делает это сам, а ведь это непросто для мальчика полутора лет: найти ключ, засунуть его куда надо и, главное, повернуть. Но все сделано. И радио тоже надо включить, прежде чем заработают дворники: сначала впереди, потом сзади.

Все, можно ехать. Но мы не едем. И он непонимающе смотрит на меня и разводит руками: почему? И в глазах вселенский, немислимый укор. Как же так, отец? За что?

И он ведь уже рулит, и даже отчаянно. Он глядит сквозь лобовое стекло куда-то вдаль. И губы его что-то шепчут. И он уже не с тобой.

И все в твоей душе переворачивается. И ты трогаешься.

Да нет, нельзя же. Стоп, Андрей!

Это я себе.

16 ноября

Каково жить, когда каждый день что-то происходит с тобой первый раз в этой самой жизни?

Вот Андрэ приходит в магазин «Весна» на Новом Арбате. Не его, как говорится, инициатива. И его встречают красивые мужчины и женщины. И он, доверчивый, бросается к ним, чтобы поздороваться, потому что есть у него такая трагическая особенность, — а они ноль внимания. И это очень обидно. И он одной что-то даже кричит, что-

бы обратить на себя именно это внимание. А она не реагирует. Вся в себе. И ему не объяснишь, что это манекен. Он подбегает к ней, дергает за дорогое платье и сразу несется за спину своей тети, которая вообще-то сама могла бы работать манекеном, вернее манекенщицей, да не захотела, потому что гордая была.

И потом, уже на выходе из магазина, он так стеснялся ее... Опускал глаза, обходил стороной. Ему неловко было, похоже, за свой энергичный жест.

И никогда ты ему не объяснишь, что эта девушка — ненастоящая. Что это такая огромная кукла. Нет, не объяснишь. И не надо. Он должен прийти к этому сам. И научиться сразу отличать девушку от куклы.

Я вот до сих пор толком не научился.

17 ноября

Даша и няня неистово учат мальчика сидеть на горшке. Ему это претит. Но эта настойчивость маниакальна. Удержать его на горшке любой ценой — вот задача, достойная сверхчеловека, каким я искренне считаю всякую

маму, в буквальном смысле бок о бок прошедшую с ребенком его первые полтора года.

Но в конце концов сверхчеловеком из них двоих оказывается Андрей. Ибо он вырывается на свободу не просто так. Нет, он из туалета бежит в свою комнату, потрошит подгузники, забирает один из них и торжественно приносит его Даше.

Расслабься уже, мать, дает он понять. Есть же работающие ненасильственные технологии.

18 ноября

Я конечно, понимаю, как непросто Андреичу в этом жестком мире. Как он мается и борется. Вот, например, больше яблок сорта «Медовый хруст» он в жизни любит, может, только мать и отца (но и это не точно, а также желаемое за действительное). Где бы ни был и что бы ни делал, в какой-то момент он хватается меня за руку и тащит (потому что я упираюсь) к холодильнику. Он пока не может открывать его сам: какие-то восхитительно сильные магниты держат дверцу. Там, справа внизу, обычно лежит вожделенное. Но не всегда, ибо и «Медовый хруст» бывает конечен и не сразу возобновляем.

И вот в чем трудность жизни Андрея в таком периоде его раннего созревания. И как в таких адских условиях бороться

и побеждать? Как донести до этих людей, что нет мочи никакой?! Он снова хватается за руку, опять тащит, и я знаю, куда, на полдороге бросает, потому что понимает, что без этого бессмысленного балласта будет быстрее, хватается с дивана книжку «Numbers», возвращается ко мне. Фу, почти все, дело почти сделано. Он открывает эту книжку и тычет в третью страницу. Там нарисовано большое яблоко.

Ведь иначе-то как объяснить?!

А, кстати, еще один способ — коробка из-под каши. Овсянка, допустим, с яблоком, и яблоко нарисовано. Не в натуральную величину, но бросается, слава Богу, в глаза.

Однако коробка с кашей, черт возьми, не всегда под рукой.

19 ноября

Андрей днем отказывается спать, слоняется по дому, тычется в разные места и не может найти себе применения. Но он же хочет спать. Но уже не может. То есть ситуация вступила в опасную стадию вероятного бессмысленного и мучительного крика.

В какой-то момент он, уже просто шатаясь, подходит ко мне, сидящему за столом, и как он это любит, пробивается не без труда, кряхтя, меж моих ног, застывает на мгновение, с некоторой тревогой осматриваясь вокруг, и проворно забирается с моей уже помощью наверх, оказываясь тоже за столом на моих коленях.

Но я-то подготовился к его явлению. Я убрал хлеб, кусочек соленого огурца, кусочек ветчины и, наконец, главную угрозу — яблоко, которое я вообще-то намерен съесть сам.

Все это я успел спрятать за большой красной кружкой с Дедом Морозом (время подходит, в деле тематические кружки).

И вроде все хорошо. Мне себя не в чем упрекнуть. Но тут мальчик издает победный клич, подскакивает и тянется за большим и длинным рулоном ветчины, лежащим на краю стола. Он хватается его и тянет к себе.

Он еще никогда в жизни не ел ветчину. И ему не надо, вроде даже нельзя. Но он успевает откусить, и я понимаю: это конец. Не потому, что ребенок отравится. А потому, что ему нравится.

И отобрать невозможно. То есть можно, конечно, вырвать, и даже такая попытка предпринимается. Но он начинает рыдать, как я и предполагал, так безутешно, что сердце разрывается, и все тут.

А когда он кусает ветчину, то даже смеется от счастья. И какую-то песенку напевает. Такого раньше не было. Он просто счастлив. Что вообще происходит? И что с этим делать? Прахом пошли все творожки и каши, которые он ел всю свою недолгую, но яркую жизнь.

И тут мне в голову приходит красивая мысль. Вы оцените. Я беру его и отношу в кровать вместе с ветчиной. И он мгновенно засыпает с ней в обнимку. Мертвым сном, не дотянувшись даже до нее зубами в очередной раз и замерев на полпути.

Кто победил, кто побежден?

20 ноября

Утром было солнце. Мы сидели с Андреичем в комнате перед телевизором. Но телевизор был выключен. И сидели мы не шелохнувшись. Мы смотрели, как в луче бьются, медленно падая, пылинки. Андреич первым обратил на них внимание и через мгновение уже был зачарован ими. Он видел их, как и почти все остальное, впервые в жизни. Мне казалось, я тоже.

Я хотел, чтобы пылинки падали медленнее. Даша, наоборот, хотела, чтобы их вообще не было. Андреич, я это видел, хотел, чтобы все оставалось как есть. Чтобы все шло своим чередом. Он вдруг совсем уж затих, как будто что-то понял про жизнь. И я понял.

Но что?

А вот что. Я буду сдувать с него пылинки. Всю жизнь.

21 ноября

Мы рано наряжаем елку. Обстоятельства жизни каждый день нагнетают ситуацию праздника, хочешь ты или нет, и елка в доме с каждым днем смотрится все уместней. Это, конечно, искусственная елка. Настоящая не стоит полтора месяца. Но большая и пушистая.

И вот проблема. Как же быть Андреичу и с Андреичем? Год назад он еще вроде даже толком не ползал. А теперь ему ж до всего есть дело. Нет, не так. Теперь все в его

власти и под его контролем. Как распорядится он этой елкой и игрушками к ней? Что сделает с ними? Оставит ли целой к Новому году хоть одну игрушку? К счастью, многие не из стекла. Но есть и из стекла.

Одна елка, две коробки игрушек. Многие — любимые. Правда, из моего детства не сохранилось ничего. Чемодан с ними пропал. Исчез бесследно. От этого больно каждый Новый год. Этих игрушек не хватает, потому что не хватает родителей и всего того, из чего состоял тогда мой Новый год. И утрата с каждым годом становится все более тяжелой, и я ничего не могу с собой поделаться.

Да, появились другие игрушки, красивые, дорогие, но какие же они не те.

Зато они для Андреича станут новогодними игрушками его детства. И главное, чтобы потом чемодан не пропал.

Но что же мальчик и наши страхи? Глаза его, когда мы стали доставать игрушки, конечно, расширились так,

что просто удивительно. Дальше были варианты. Он мог начать кидаться ими, играть ими в футбол, так как уже любит с моей подачи.

Что же сделал мальчик? Он подошел к большой открытой картонной коробке и начал аккуратно доставать один за другим эти бесконечные разноцветные шары, статуэтки, машинки и домики... И стал подавать их нам.

Он все понял. Зачем и почему. И что именно это не надо бить и колотить. Что это пусть сверкает на елке.

Честно говоря, я так благодарен ему за это. Да и вообще за все.

22 ноября

Нет, ну зачем он специально выковыривает из положенной ему каши положенные в нее кусочки банана, которые подмешала ему туда Даша из какого-то даже великодушия?

А просто, чтобы выковыривать. Нет, говорит Даша, но это же просто как собачка из фильма Гайдая выковыривала из колбасы снотворное!

Колбасу-то, резонно говорю я ей, собачка съедала.

23 ноября

Гости к нам должны были прийти в среду. Двое детей, не таких маленьких, как Андрей. Накануне их мама спросила, можно ли взять маленькую собачку, которая у них только что появилась. Вот она была такая же маленькая, как Андрей, или даже еще меньше (хотя ну куда?..).

Собачка, предупредила мама, незаметная, мирная, не лает, тем более не кусается. Терпит, если надо, ждет, когда выведут на улицу, а сама даже не просится. И главное, гипоаллергенная (для меня принципиально важно). Вот и хорошо. Хотя я и сказал, что такого сочетания идеальных качеств в одном существе просто не может быть.

Дети мало интересовались мальчиком. Пицца их интересовала гораздо больше. А вот собачка задружила с Андреем. И в самом деле не вызывала никакой аллергии, в том числе и ментально.

Но и Андрей к ней ведь относился по-человечески. Не мучил ее, не крутил ей хвост, не пытался загнать под хо-

лодильник. Они нашли друг друга и не расставались, можно сказать, весь вечер.

Мальчик хорошо кушал. В какой-то момент он пошел по квартире с куском черного хлеба во рту. И каково же было мое удивление, когда через несколько минут я увидел этот хлеб в зубах у собачки. Она мирно и довольно грызла его — так же, как и сам Андрей.

Еще через несколько минут я увидел картину, которая произвела на меня более сильное впечатление. Андрей снова грыз кусок хлеба. Я готов был поклясться, что это тот же самый кусок. Другого у них просто не было.

То есть Андрей, понятно, дал собачке погрызть хлебушек и опять забрал себе. Он часто так делает с нами. Почему бы не сделать и с ней?

И ничего нельзя было изменить. Все уже произошло. И он, конечно, очень расстроился, когда мы вырвали у него изо рта (или пасти... нет, изо рта) этот кусок. И заплакал. И хорошее настроение уже не вернулось к нему в этот вечер.

Надо ли говорить о том, что после ухода гостей в одной из комнат на ковре мы нашли кучку. Собачка и правда никуда не просилась. Ей было это не нужно.

И что всю квартиру пришлось долго пылесосить, и все равно я еще два дня чесался и чихал от обуявшей меня аллергии.

24 ноября

Моей дочери Маше 22 года. То есть она постарше Андреича чуть в 20 раз. И я когда-то писал про их жизнь с Ваней в «Коммерсантъ Weekend». И это, кстати, произвело на них определенное впечатление, впрочем, гораздо позже, чем я писал, и слава Богу.

И вот Маша должна была приехать и остаться с Андреичем. Она приехала, но не осталась. Ибо случилась потрясающая история.

Дело в том, что пропала собака. Она пропала у друзей Маши, которые взяли собаку из приюта. На первой же прогулке она сорвалась с поводка (оказалось, плохо закреплено кольцо у шлейки) и убежала просто сломя голову, а вернее башку.

Моя Маша со своей собакой приехала к ним искать их собаку. Дело мне казалось безнадежным. На успех я давал ноль процентов.

Нигде ни в каких дворах они ее, конечно, не нашли. Еще там были пара парков, шлюз и в общем даже лес. И собака, вырвавшаяся на волю, совершенно не понимавшая, что ей там делать, и сходявшая от этого с ума. И холодно.

В приюте, откуда забирали собаку, сказали, что есть стратегия. Приехала куратор собаки, опекун с рупором. Рупор она оставила друзьям Маши. Сказала, что должен пригодиться.

Потом сказали, что в рамках стратегии надо писать объявления. Расклеивать и публиковать в соцсетях на районе. А только потом, когда ее кто-то увидит, искать.

Они так и делали. Но мало ли собак на районе? Друзья Маши к тому же сами ходили и все равно искали и искали, но, конечно, без толку. К тому же они знали, что соба-

ка по своему тяжкому жизненному опыту избегает людей. Ну какие шансы?

Но в группу по поиску собаки записались уже 132 человека. Собака, кстати, была совсем не породистая.

Позвонил ловец. Он объяснил, что отвечает теперь за эту собаку. Ему поручили после переговоров с приютом в организации, где состоял ловец. Оказалось, есть такая организация. Когда объявления сработают, объяснил он, я приеду, выстрелю в нее и усыплю, иначе она будет убежать.

Маша должна была утром посидеть с Андреичем, но вдруг сорвалась к друзьям: кто-то из прочитавших объявление видел вроде такую собаку.

Я все равно не допускал и мысли, что ее найдут в таком городе. А Маша говорила, что недавно эта организация 40 дней искала собаку и нашла вчера.

Весь день они снова ее искали: во дворе, где ее увидели (или не ее), и в лесу. Искали члены группы. Искали те, кто присоединился к ним на ходу во время поисков. Искали маленькую дворнягу, не рассчитывая, понятно, ни на какое вознаграждение.

Хозяйка, которая и побыла-то хозяйкой несколько часов, плакала, не переставая, третий день.

Потом я уехал в командировку в Минск. Потом в середине дня Маша написала мне: «Поймали собачку». Я все равно не верил.

Она прислала фотографию.

— Ловец работал? — все-таки с тревогой спрашивал я.

— Сами справились, — сказала Маша. — Еще два человека из группы ее увидели, позвонили. Мы приехали, искали и нашли. Подошла к нам на голос опекуна.

Хозяйка продолжала плакать. Она тоже не верила.

Жалко, что у меня аллергия. Очень жалко.

Мальчику бы пригодилась собака.

И наоборот.

25 ноября

Я никогда не пойму, зачем запихивать яблоко в гнувший-ся резиновый стакан, а потом полчаса пытаться съесть его оттуда, а вернее выпить это яблоко, страшно скрежеща всеми десятью зубами.

ДЕК АБРА

1 декабря

Я понимаю, что те, кто запрещает смотреть детям мультики, когда они хотят, не скрываются. Они на виду. Они говорят об этом и пишут. Они кичатся своей правильностью и рассказывают, почему все это так вредно, как давит на психику и как не способствует развитию ребенка.

Да, вы не прячетесь, вы упиваетесь вашей стойкостью и вашим, без преувеличения, мужеством...

А мы, которые позволяем нашим детям смотреть мультики сколько влезет, не на виду, нет. Да пожалуйста! Айпад, телефон, телевизор! О, телевизор. От большого экрана просто не оторваться! И если не ютуб, то сколько же детских каналов! А почему бы и не ютуб?!

Да, мы не афишируем своего малодушия. Да, так проще: если начал капризничать, если потребовал тебя в одной комнате, а ты якобы занят в другой... Если сидит в автокресле и намерен освободиться, чтобы принять управление вожаделенным рулем...

Мультики помогут и спасут. Мультики! А вы со своим безукоризненным отношением к детям мучайтесь и страдайте. И ребенок будет страдать вместе с вами. Ломайте ему жизнь, продолжайте, чего уж там.

И помните. Мы просто не на свету. Нам это не нужно. Но знаете что? Вас жалкие сотни. Вас можно пересчитать по пальцам, и мы это еще сделаем.

А нас — миллионы! Нас тьмы, и тьмы, и тьмы! И мы — вместе!

Вместе с нашими маленькими.

2 декабря

Некоторое время тому назад мне моя более или менее Взрослая 22-летняя дочь Маша предъявила претензию, граничащую с обвинением.

— Почему, — спросила она, — ты, папа, нас в свое время не научил английскому?

— В свое — это когда? — переспросил я, хотя ответ был мне известен.

Ведь я сам рассказывал им, как я жалел, что ничего не предпринял, хотя мне друзья говорили: если найти англоязычную няню для годовалого, допустим, ребенка, то тот же самый двухгодовалый ребенок будет говорить на английском как сама няня.

— И главное, — говорила мне Маша, — мы бы потом не учили этот английский всю жизнь, не мучились бы так страшно! А так — один год, и готово!

Да, это ведь была моя, можно сказать, идея, о которой я сам забыл. Денег тогда, что ли не было. Ну так их никогда нет.

В общем, теперь-то я и вспомнил все. Так в жизни Андрейча некоторое время назад появилась русская няня, которая говорит с ним по-английски.

И я не придавал этому почти никакого значения, а тем более решающего. Ну да, говорит, но эти смешные попытки привить ему чужую речь, просто рассказывая ему что-то о том, что вокруг него и с ним самим... Нет, не выглядят убедительными.

Убедительным для меня было то, что няня гуляет с ним, берет его, как говорится, на себя. Вот это было значимо. И я не заострял.

В общем, вчера я стал свидетелем их разговора.

Она ему говорит:

— Can you yell, Andrusha?

И он кричит. Не громко, но ведь кричит!

Я не верю, не верю своим ушам. Это возможно, что ли?

— Oh! — говорит она опять. — What about yelling?

— A-a-a! — уже пронзительно и с удовольствием орет он и сам смеется.

— Louder!

И он опять!

— This is not loud enough, — не дает она ему расслабиться.

Он сейчас голос сорвет.

— Can you growl at least? — вдруг спрашивает она.

— Хр-р-р-р! — свирепеет мальчик и рычит, рычит.

— Oh-h! Very scary! — пугается она, и ему еще смешнее, чем раньше.

Пока не может сохранять серьезность, когда рычит.

— Can you growl? — на всякий случай проверяет она его.

Ну, она сама хотела и получила. И руки, руки поднимает для острастки.

Конечно, парень-то из года тигра.

Маша обзавидуется.

3 декабря

Андрейч пытается учиться плавать. Вернее, учится плавать. Хотелось бы написать: точнее, плавает. Но этого нет еще, пока нет. Однако вчера я видел невероятное, поразившее меня до глубины души. Он стоял на бортике

бассейна, потом девушка-инструктор из воды позвала его к себе, он сделал шаг — и прыгнул. Он ушел под воду и вынырнул. И он улыбался.

Андреичу было не страшно. Ему было весело. Вот это меня и поразило. Ведь я видел месяц назад, какой он сидел у этого бортика. Глаза — два темных омута. В них — непонимание: зачем я здесь? За что? Можно же поехать домой и поискать на кухне, например, кусок соленого огурца — а вдруг получится, вдруг отец на столе забыл и еще не вспомнил?

И вот теперь он бесстрашно, да что там, с восторгом уходит под воду.

Штурмуются высоты. Нет, глубины.

4 декабря

Дуехал в командировку, и Даша с максимальной пользой решила провести время. То есть она, конечно, поехала в парикмахерскую. Андрея она взяла с собой, оставить-то не с кем. Да и, подозреваю, хотела она там продемонстрировать достояние, так сказать, лишний раз. Мать-то имеет право погордиться, тем более если видела в прошлый раз, как не такой красивый, не такой умный и далеко не такой веселый мальчик в этой парикмахерской вызвал всеобщее оживление. Андрей должен был, по ее подсчетам, вызвать поклонение.

Как так вышло, что они высадились на другой стороне проезжей части, теперь уж, конечно, не поймешь. Даша признается порой: «Я хорошо ориентируюсь в торговых центрах». А это ведь был не торговый центр. Хотя зайти им надо было в «Vosco-Весна» на Новом Арбате. Но для этого предстояло перейти Новый Арбат. По подземному, разумеется, переходу.

На лестнице в переходе есть спуск для мам с колясками, но это не спуск, а бездонная пропасть, так как колеса коляски всегда уже рельсов для этих колес. И в общем, предполагалось мучение и, может, даже боль.

Но мимо проходил молодой человек налегке, который на самом-то деле не прошел мимо. Он с разрешения Даши и Андрея аккуратно подхватил коляску и перенес ее вниз. Более того, он понимал, что трудности будут и с подъемом коляски, и дождался Дашу с мальчиком, предвари-